

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. Першиц

К ВОПРОСУ О «ТРЕТЬЕМ ТИПЕ» СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОБЫТНОСТИ

В статье М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»¹ развивается мысль о том, что в первобытном обществе наряду с родом и семьей существовал еще один, третий тип социальной организации. Этот тип, который «обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи», обозначается автором термином «клан». М. В. Крюков отождествляет свой клан с социальной группой, состоящей из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка, — кланом Дж. Мэрдока² и с группой больших или малых семей, образовавшейся в результате сегментации большой семьи, сохраняющей определенное единство и носящей общее имя по имени главы разделившейся семьи, — патронимией М. О. Косвена³. В той мере, в какой клан М. В. Крюкова не выходит за рамки эпохи расцвета первобытнообщинного строя, он может быть отождествлен также и с родовой общиной Н. А. Бутинова⁴. Таким образом, хотя М. В. Крюков, как уже неоднократно отмечалось в ходе дискуссии, объединяет в «третьем типе» социальной организации явления стадийно различные, восходящие как к эпохе родового строя, так и к эпохе его распада, по сути дела главный из поднятых им вопросов — это старый вопрос о соотношении кровнородственных и производственных отношений в родовом обществе.

Вслед за Н. А. Бутиновым М. В. Крюков выдвигает тезис, что род, будучи лишь экзогамным кровнородственным коллективом, не совпадает с коллективом экономическим, так как в условиях экзогамного унилокального брака (а первоначальная дислокальность брачного поселения отнюдь не доказана), род не может быть реальной хозяйственной ячейкой.

Действительно, гипотезу первоначальной дислокальности брачного поселения нельзя считать окончательно доказанной. Но, на наш взгляд, решение вопроса о соотношении кровнородственных и производственных отношений в родовом обществе определяется не только локализацией брака. Несравненно большее значение в этом плане имеет одна из кардинальных проблем первобытной истории — проблема соотношения хозяйственных функций семьи и рода, семейной и родовой экономики.

М. В. Крюков ничего не говорит о том, что представляют собой семьи, входящие в его клан. Поэтому если бы мы захотели задуматься

¹ «Сов. этнография», 1967, № 6.

² G. P. Murdock, Social structure, New York, 1949, p. 68.

³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 37.

⁴ Н. А. Бутинов, Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 91.

о соотношении рода и клана только на основании данных статьи М. В. Крюкова,— вопрос повис бы в воздухе. Но обратимся к данным о папуасской родовой общине, приведенным Н. А. Бутиновым. Родовая община папуасов состоит не из отдельных, а из парных семей. Эти семьи не лишены известных хозяйственных функций, но не являются экономическими ячейками общества; они не в состоянии самостоятельно вести хозяйство, имущество супругов раздельно и не подлежит взаимному наследованию, семейные узы слабы; сфера семейной жизни настолько узка, что некоторые исследователи совсем ее не замечают; можно даже сказать, что родовая община состоит не из семей, а из мужского ядра, временной части (сестры мужчин, живущие в общине до замужества) и пришлой части (жены мужчин, пришедшие из других общин)⁵. Перед нами выразительная картина резкого преобладания родовой экономики над семейной, кстати сказать, картина тем более убедительная, что она в принципе ничем не отличается от тех, которые нарисовали другие советские исследователи, обращавшиеся к австралийскому, меланезийскому, американскому этнографическому материалу⁶.

Однако если это так, если и мужское ядро, и временная часть родовой общины состоят из кровных родственников, а роль даже и локализованной парной семьи настолько мала, что ее можно попросту не заметить, то в чем же проявляется коренное, решительное несомнение в родовом обществе кровнородственных и производственных отношений? Не правильнее ли говорить, что эти отношения по большей части, по преимуществу, в основном совпадали?

Подойдем к вопросу с другой стороны. Естественно ожидать, что при матрилокальном поселении основную массу членов родового хозяйственного коллектива составят сородичи по линии матери, при патрилокальном поселении — сородичи по линии отца. Действительно, предположим, что такой коллектив насчитывает 100 человек, половина из которых мужчины, половина — женщины. Предположим далее, что некоторую их долю a составляют люди, еще не вступившие в брак; следовательно, их будет $100a$ человек. Состоящих в браке окажется $100(1-a)$ человек. Очевидно, что из них $50(1-a)$ человек будет чужеродцев или чужеродок. Следовательно, сородичей будет $100-50(1-a) = 50(1+a)$ человек, а их доля составит:

$$\frac{50(1+a)}{100} = \frac{1+a}{2}.$$

Остается определить долю людей добрачного возраста. По данным, сведенным Л. Крживицким, у отсталых племен нового времени она чаще всего колебалась в пределах от 0,4 (яганы, куни и ламаса Новой Гвинеи и др.) до 0,6 (тасманийцы, некоторые племена Австралии и Северной Америки)⁷, т. е. составляла в среднем 0,5. Палеоантропологические данные, например, костные остатки из мезолитического могильника Тафоральт в Марокко (183—186 особей, из которых 97—100 особей не достигло 17 лет) показывают примерно ту же величину — 0,53⁸. Подстав-

⁵ Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», М.—Л., 1962, стр. 180—181; его же, Письмо в редакцию, «Сов. этнография», 1966, № 3, стр. 182; его же, Община, семья, род, стр. 93.

⁶ См., например: А. М. Золотарев, Очерк истории родового строя, Рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР, стр. 121 и сл.; Л. А. Файнберг, О формах социальной организации у индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в., «Американский этнографический сборник», I, М., 1960, стр. 133 и сл., 149 и сл.

⁷ L. Krzywicki, Primitive society and its vital statistics, Warsaw, 1934, pp. 251—253.

⁸ D. Ferembach, La necropole épipaléolithique de Taforalt (Maroc Orientale), «Etude des squelettes humains», Rabat, 1962.

ляя это значение a , мы видим, что доли сородичей и чужеродцев или чужеродок составляют 0,75 и 0,25 или в процентном выражении 75 и 25.

О том, насколько это теоретически ожидаемое соотношение близко к фактическому, свидетельствуют статистические данные о проценте замужних женщин у различных отсталых племен в XIX—начале XX в., что при экзогамном унилокальном браке приблизительно соответствует проценту чужеродцев или чужеродок⁹.

Племя или группа племен	Годы	% замужних женщин
Меланезийцы о-ва Тамара	1900	17,9
Яганы	1883	25,4
Куни Новой Гвинеи	1906	26,3

Эти данные могут быть дополнены данными Б. О Долгих по некоторым малым народам Северной Сибири¹⁰:

Народность	Годы	% замужних женщин
Нганасаны	1926/27	17,0
Тундровые энцы	»	21,2

Итак, даже на сравнительно позднем этапе развития процент кровных родственников в хозяйственных коллективах как правило не меньше 75. Этот процент может колебаться, так как в каждом конкретном случае он зависит от рождаемости, среднего брачного возраста мужчин и женщин, средней продолжительности жизни и ряда других демографических факторов, но только в таких нечастых специфических случаях, как, например, при амбилокальном брачном поселении, он изменится принципиальным образом и приблизится к отмечаемому Н. А. Бутиновым — 50¹¹.

Можно было бы возразить, что высокий процент кровных родственников имеет чисто формальный характер: он отражает не только работоспособных сородичей, но и большое число детей, не принимающих участия в хозяйственной жизни коллектива. Однако, во-первых, тяжелые условия жизни первобытного человечества, как и, позднее, условия жизни отставших в своем развитии племен, как правило исключали одновременное воспитание одной семьей хотя бы двух маленьких детей; отсюда широко фиксируемые этнографами обычаи временного отчуждения супругов, применение противозачаточных средств и аборт, различные виды детоубийства и т. д.¹² Во-вторых же, известно, что дети очень рано начинали помогать взрослым и у некоторых народов уже к 10 годам становились самостоятельными работниками¹³.

Таким образом, наиболее правильным нам представляется не альтернативное решение рассматриваемого нами вопроса, а уже выдвигавшееся положение о том, что в родовом обществе производственные отношения в основном совпадали с кровнородственными отношениями¹⁴.

⁹ L. Krzywicki, Указ. раб., стр. 257—259. Из приведенных Л. Крживицким данных взяты лишь те, которые показывают долю именно замужних женщин (married women) в группах, сохранивших родовую экзогамию.

¹⁰ Б. А. Долгих, Родовая экзогамия у нганасан и энцев, «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1964, стр. 199—200.

¹¹ Н. А. Бутинов, Община, семья, род, стр. 94.

¹² A. M. Cagg-Saunders, The population problems. A study in human evolutions, Oxford, 1922, pp. 167, 175; L. Krzywicki, Указ. раб., стр. 121 и сл.; 148 и сл.; 153 и сл.; 184 и сл.; 192 и сл.

¹³ См., например: Н. М. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. 1, М., 1950, стр. 233; К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, Пг., 1923, стр. 23.

¹⁴ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа его периодизации, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 26. К сожалению, при последующей публикации расширенного варианта этой работы в сб. «Проблемы истории первобытного общества» точное выражение «в основном совпадали» было заменено менее точным — «совпадали».

Если Н. А. Бутинов и другие советские этнографы правы в том отношении, что парная семья не играла в родовом обществе сколько-нибудь существенной экономической роли (а нам думается, что они в этом совершенно правы) и если верить статистическим данным, то у нас нет решительно никаких оснований для выделения принципиально нового «третьего типа» социальной организации первобытности, а тем более для возведения его на тот пьедестал, на котором вот уже почти столетие стоит род.

ON THE ISSUE OF THE «THIRD TYPE» OF SOCIAL ORGANIZATION OF PRIMITIVE SOCIETY

The problem of whether a third type of social organization (besides the gens and the family) existed in primitive society, which may in essence be reduced to the problem of interrelation between the gens and the gens community, is stated to be artificial. Independently of whether the dislocal form of marriage in the early stages of gens society is considered proved, gens communities were composed in an overwhelming majority of blood relatives; consequently gens relations coincided in the main with relations of production. The author substantiates his views by statistical data on marriages and the number of blood relatives among various tribes and peoples.
